

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 81'42+81'27
ББК Ш105.51+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Юе Сюе

Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай, 17643501151@163.com, <https://orcid.org/0000-0002-1597-3927>

Исследование взаимного влияния конструирования дискурса Глобального Юга и китайских концепций (на основе лингвистического анализа текстов в рамках политической лингвистики)

АННОТАЦИЯ. В рамках теоретического каркаса политической лингвистики данное исследование, ориентирующееся на линию анализа «взаимодействие дискурса и концепций», фокусируется на лингвистической логике конструирования дискурса Глобального Юга и лингвистических способах выражения китайских концепций, рассматривая лингвистические механизмы их взаимного влияния. Дискурс Глобального Юга, как типичный политический дискурс, характеризуется яркими лингвистическими чертами в своей семантической эволюции, текстовой форме и дискурсивных стратегиях; китайские концепции, в свою очередь, необходимо рассматривать сквозь призму термина «концепт» в понимании лингвокультурологии: они служат инструментом межкультурной коммуникации через определенные лексические кластеры, метафорические системы и нарративные рамки. Исследование использует такие лингвистические методы, как текстовый анализ, лексико-семантический анализ и идентификация метафор, основано на материале типовых текстов, таких как Декларация Бандунгской конференции, Совместное заявление «Группы 77 и Китая», тексты встреч в рамках БРИКС, и концентрируется на систематическом анализе лингвистических процессов реализации взаимного влияния указанных феноменов в трех аспектах: лексикализации, фреймирования и интертекстуальности. Исследование интенсифицирует применение подходов политической лингвистики в изучении межкультурного дискурса, заменяя чисто политологические стратегические интерпретации конкретным лингвистическим эмпирическим анализом, и представляет пример того, как работа, вписанная в парадигму лингвистических исследований, может рассматривать темы, традиционно интересующие политологов и культурологов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Глобальный Юг, политический дискурс, политическая лингвистика, политические тексты, китайские концепции, дискурсивные стратегии, текстовый анализ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Юе Сюе, доктор наук, преподаватель института русского языка, Даляньский университет иностранных языков; исследователь, Центр языковых исследований Северо-Восточной Азии; Даляньский университет иностранных языков; Далянь, Китай, email: yuex570@163.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Юе, Сюе. Исследование взаимного влияния конструирования дискурса Глобального Юга и китайских концепций (на основе лингвистического анализа текстов в рамках политической лингвистики) / Юе Сюе. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 283-293.

Yue Xue

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China, 17643501151@163.com, <https://orcid.org/0000-0002-1597-3927>

A Study of the Mutual Influence between the Construction of Global South Discourse and Chinese Concepts — Based on Linguistic Analysis of Political Linguistics Texts

ABSTRACT. Within the framework of the theory of political linguistics, this study, focusing on the line of analysis "interaction between discourse and concepts", focuses on the linguistic logic of constructing the discourse of the Global South and linguistic ways of expressing Chinese concepts, considering the linguistic mechanisms of their mutual influence. The discourse of the Global South, as a typical political discourse, is characterized by striking linguistic features in its semantic evolution, textual form, and discursive strategies; Chinese concepts, in turn, must be viewed through the prism of the term "concept" in the understanding of linguoculturology: they serve as a tool for intercultural communication through certain lexical clusters, metaphorical systems and narrative frameworks. The study uses linguistic methods such as textual analysis, lexico-semantic analysis and metaphor identification, is based on the material of standard texts such as the Bandung Conference Declaration, the Joint Statement of the Group of 77 and China, and texts of meetings within the framework of BRICS, and focuses on a systematic analysis of linguistic processes of realizing the mutual influence of these phenomena in three aspects: lexicalization, framing, and intertextuality. The study intensifies the application of political linguistics approaches in the study of intercultural discourse, replacing purely political strategic interpretations with specific linguistic empirical analysis, and provides an example of how work written into the paradigm of linguistic research can address topics of traditional interest to politologists and culturologists.

KEYWORDS: Global South, political discourse, political linguistics, political texts, Chinese conceptions, discourse strategies, textual analysis.

AUTHOR'S INFORMATION: *Yue Xue, Doctor of Sciences, Associate Professor of the Institute of Russian Language, Dalian University of Foreign Languages; Researcher of China Northeast Asian Language Research Center; Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.*

FOR CITATION: *Yue Xue. (2026). A Study of the Mutual Influence between the Construction of Global South Discourse and Chinese Concepts — Based on Linguistic Analysis of Political Linguistics Texts. In Political Linguistics. No 3 (117), pp. 283-293. (In Russ.).*

1. ВВЕДЕНИЕ

Центральный объект исследования политической лингвистики — «ковариативные отношения между языком и политикой», его сущность заключается в выявлении за счет текстового анализа механизмов конструирования смыслов и их взаимовлияния с распределением власти, при этом политические тексты и политический дискурс являются основными единицами исследования данной дисциплины [Sun Yuhua, Peng Wenzhao, Liu Hong 2015]. Дискурс Глобального Юга, как один из самых динамичных типов политического дискурса в современном международном политическом пространстве, его сущностное расширение от географического понятия до политического дискурса и текстовое развитие от односторонних требований к многоаспектным нарративам невозможны без конструктивной роли языковых знаков: выбор лексики, структура предложений, использование метафор и другие языковые элементы вместе формируют коллективную идентичность и интересы стран Глобального Юга. В этом плане типичный объект исследования политической лингвистики — китайские концепции, когда за основу берется понятие концепта из лингвокультурологии, а концепты, как известно, являются «основными единицами, в которых культура закрепляется в сознании человека»¹, и служат способом межкультурной коммуникации и взаимного влияния через определенную систему средств лингвистического выражения.

Существующие исследования [Men Honghua 2024; Li Dongqi 2023] преимущественно рассматривают подъем Глобального Юга и стратегическое позиционирование Китая с точки зрения политической науки или международных отношений. Несмотря на то, что они затрагивают дискурсивные явления, они лишены системного лингвистического анализа: либо фокусируются на интерпретации стратегического значения дискурса, либо на оценке дипломатических результатов, но недостаточно отвечают на такие центральные вопросы, как «как дискурс Глобального Юга осуществляет свое конструирование через язык», «каков путь лингвистического

выражения китайских концепций», «как проявляются лингвистические механизмы их взаимного влияния», что приводит к смещению исследования в сторону политической науки и отходу от парадигмы лингвистики.

Исходя из этого, данное исследование фокусируется на ядерной парадигме политической лингвистики, конструирует трехуровневую аналитическую модель «лексика — рамка — интертекстуальность» и анализирует взаимные отношения между дискурсом Глобального Юга и китайскими концепциями через три лингвистических механизма: текстовое внедрение, реконструкция контекста и генерация смысла. Исследование особо усиливает следующие лингвистические аспекты анализа: во-первых, анализ семантических сетей ключевой лексики для выявления внутренней логики слияния лексики дискурсов; во-вторых, анализ синтаксических особенностей и риторических стратегий нарративных рамок для демонстрации текстовой формы реализации взаимного влияния; в-третьих, идентификация типов интертекстуальности и анализ семантических связей для определения лингвистической логики связи дискурсов. Одновременно оно позволяет избежать чисто политологических стратегических интерпретаций и отсутствия количественных данных, подчеркивая лингвистическую природу исследования через качественный лингвистический анализ, что включает статью в круг публикаций по политической лингвистике.

2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ДИСКУРСА ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА

2.1. Семантическое развитие концепции «Глобальный Юг»: от географического обозначения к политическому дискурсу

Семантическое развитие концепции «Глобальный Юг» по своей сути является процессом смыслового конструирования языковых знаков, где семантические изменения не случайны, а постепенно осуществляются через языковую практику в политической коммуникации, что подтверждает центральное положение политической лингвистики — «дискурс конструирует реаль-

¹ Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва : Академический проект, 2004.

ность» [Чудинов 2012]. С лингвистической точки зрения, семантическое изменение концепта четко демонстрируют характеристики трех этапов.

Первый этап — этап географического указания (до середины XX в.). «Юг» как пространственное слово несет только буквальное значение «регион к югу от экватора», его семантические границы ясны и однозначны. В текстах этого периода контекстуально сопрягаемые с «югом» слова преимущественно являются географическими обозначениями (например, «южные континенты», «южные моря»), предложения преимущественно описательные повествовательные (например, «Африканский континент расположен в зоне „Глобальный Юг“»), и семантическая функция ограничивается только пространственным позиционированием, без политического содержания.

Второй этап — экономический дифференциаторный этап (с середины XX века по начало XXI века). В повестке дня ООН 1948 года «Юг» был связан с «развивающимися странами», став обозначением с социальными атрибутами, и семантическое содержание этого знака расширилось с географического пространства до уровня развития [Van Dijk 2006]. В этом периоде ключевые сопрягаемые с «югом» слова стали включать «развивающиеся страны», «малоразвитые», «экономическая помощь» и т. д., в предложениях появились многочисленные выражения требований (например, «Страны Юга должны получить равное право на развитие»), семантическая функция сменилась с описания на утверждение, и дискурс начал приобретать черты политического дискурса.

Третий этап — политический дискурсивный этап (с начала XXI века до настоящего времени). Провозглашение «Года Глобального Юга» в 2023 году превратило этот термин в ключевой содержательный знак политического дискурса, объединяющего коллективную идентичность развивающихся стран и выражающего их общие требования, при этом семантика получила характеристики диалогичности и полемичности [Русакова 2006]. Сопрягаемые с «Глобальным Югом» слова расширились до таких, как «равенство суверенитетов», «мультилатерализм», «глобальное управление» и т. д., в предложениях часто встречаются выражения, сочетающие противостояние и конструктивность (например, «против унилатеральных санкций, продвигать многостороннее сотрудничество»), семантическая функция возросла с односторонних требований до формирования коллективной идентичности и утверждения международного порядка, завершая

превращение географического обозначения в политический дискурс.

2.2. Текстовая форма и лингвистические характеристики дискурса Глобального Юга

По сути политический дискурс — «система текстов, образованная речевой деятельностью в политической коммуникации» [Sun Yuhua, Peng Wenzhao, Liu Hong 2015]. Текстовые формы дискурса Глобального Юга преимущественно включают четыре типа: декларации конференций, совместные заявления, политические речи и официальные белые книги. Хотя разные текстовые формы имеют свои особенности, они все демонстрируют яркие лингвистические характеристики, а именно следующие:

1) конструирование семантических сетей ключевых слов. При извлечении и анализе ключевых слов из ядерных политических текстов, касающихся Глобального Юга, к ядерной части семантического поля дискурса Глобального Юга относятся «развитие», «суверенитет», «сотрудничество», «справедливость», «независимость», «равенство». Эти ключевые слова образуют семантические сети через стабильные сопряжения: «развитие» часто сочетается с «самостоятельностью», «равенством», «общим» (например, «самостоятельное развитие», «равное право на развитие», «общее развитие»), образуя подсеть «требования к развитию»; «суверенитет» часто сочетается с «уважением», «о защите», «равенством» (например, «уважение к национальному суверенитету», «обеспечение целостности суверенитета»), образуя подсеть «утверждение суверенитета». Конструирование таких семантических сетей через высокочастотное повторение и фиксированное контекстное совместное употребление лексики усиливает восприятие коллективных требований стран Глобального Юга [Маслова 2004];

2) конструирование диалогической нарративной рамки. Дискурс Глобального Юга формирует диалогические и полемические отношения с международным дискурсом западного доминирования через двойственную нарративную рамку «против гегемонии — стремление к самостоятельности». С точки зрения текстовой структуры, эта рамка преимущественно следует логике «критика существующего положения — выражение требований — предложение решений»: сначала критикует существующий международный порядок через такие слова, как «унилатерализм», «гегемонические действия», «несправедливый порядок» (уровень критики); затем выражает основные требования через такие слова, как «равенство суверенитетов»,

«право на развитие», «речевой контроль» (уровень требований); наконец, предлагает решения через такие слова, как «многостороннее сотрудничество», «южно-южное сотрудничество», «реформа глобального управления» (уровень решений). Например, в недавних совместных заявлениях Группы 77 эти три уровня текста образуют полную диалогическую нарративную структуру, которая не только подчеркивает полемику с западным дискурсом, но и определяет вектор собственных действий [Русакова, Максимов 2006];

3) конструирование легитимности через интертекстуальность. Дискурс Глобального Юга образует интертекстуальные отношения с текстами других исторических периодов, ссылаясь на существующие авторитетные тексты, такие как Устав ООН, Десять принципов Бандунгской конференции, Декларацию Движения неприсоединения, тем самым укрепляя свою легитимность и убедительность. С точки зрения типов интертекстуальности, преимущественно используются эксплицитная и имплицитная интертекстуальность: первая реализуется через явные формулы ссылки, такие как «согласно принципам Устава ООН», «следуя духу Бандунга»; имплицитная интертекстуальность реализуется через заимствование ключевых слов из авторитетных текстов (например, «невмешательство во внутренние дела», «народное самоопределение»), позволяя новым дискурсивным требованиям образовывать семантические связи с существующими авторитетными дискурсами. Стратегия интертекстуальности делает дискурс Глобального Юга проявлением наследования и развития исторических требований справедливости, а не результатом спонтанного создания, тем самым повышая приемлемость и влияние дискурса [Peng Wenzhao 2017].

2.3. Лингвистическое выражение и дискурсивные атрибуты китайских концепций

Согласно положениям лингвокультурологии, «концепт — это основная единица, в которой культура закрепляется в сознании человека, и он выражается через языковые знаки»¹. Китайские концепции, как типичный «концептуальный кластер», не являются абстрактным набором идей, а реализуются через конкретную языковую систему, и их лингвистические характеристики демонстрируют три особенности: системность, адаптивность и коммуникативность.

На лексическом уровне китайские концепции образуют лексические кластеры, основанные на ядерных терминах с производными словами в качестве расширения. Входящие в ядро термины включают такие, как «сообщество единой судьбы человечества», «совместная модернизация», «совместное обсуждение, совместное строительство и совместное пользование», «общие ценности человечества» и т. д. Эти термины имеют яркие культурные идентификаторы и семантическую стабильность; производные слова образуются на основе ядерных терминов, например, «сообщество единой судьбы» порождает «сообщество единых интересов», «сообщество единой ответственности», «сообщество единой безопасности», а «Один пояс, один путь» порождает «зеленый пояс и путь», «цифровой пояс и путь», «здоровый пояс и путь». Семантическое конструирование этих терминов полностью учитывает межкультурную адаптивность, например: «совместное обсуждение, совместное строительство и совместное пользование» использует параллельную структуру, семантика ясна и проста, избегается выбор слов с трудной для восприятия культурной нагрузкой, снижаются межкультурные издержки понимания. Частота появления таких единиц в текстах, касающихся Глобального Юга, постоянно растет, демонстрируя масштабы лексической коммуникации [Liu Hong, Yue Xue, Yang Zhou 2021].

На метафорическом уровне китайские концепции конструируют метафорическую систему на основе «метафор отношений», «метафор пути» и «метафор сообщества», превращая абстрактные концепции в воспринимаемые языковые образы. Метафоры отношений, представленные такими выражениями, как «общая судьба», «взаимозависимость», сравнивают отношения между странами с «отношениями членов сообщества», разрушая познавательные модели состязания с нулевой суммой в традиционных международных отношениях; метафоры пути, представленные такими выражениями, как «Один пояс, один путь», «общий путь развития», сравнивают процесс развития с «движением по дороге», содержат семантические компоненты «взаимовыгодное сотрудничество, постепенное продвижение»; метафоры сообщества, относящиеся к ядерному концепту «сообщество единой судьбы человечества», сравнивают человеческое общество с «сообществом», подчеркивая ценностную ориентацию «взаимозави-

¹ Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва : Академический проект, 2004.

симости и кооперативного развития». Выбор этих метафор соответствует когнитивным законам человеческого сознания, например, метафора «дорога» в разных культурах имеет семантические ассоциации «прогресс, развитие», позволяя абстрактным концепциям развития получать конкретизированное выражение [Jiang Chunli, Yang Ke 2013], и подобные метафоры широко цитируются в политических речах, выражающих позицию стран Глобального Юга, становясь важным языковым мостом для межкультурной коммуникации.

На нарративном уровне китайские концепции конструируют трехмерную нарративную рамку «от истории к реальности, от Китая к миру, от проблемы к решению». Исторический уровень через такие слова, как «взаимодействие и взаимообучение цивилизаций», «передача исторических контекстов», связывает традиционные китайские укорененные в культуре представления «общество для всех», «единство в многообразии» с историческим опытом стран Глобального Юга; реальный уровень через такие слова, как «неравномерное развитие», «безопасные вызовы», фокусируется на общих глобальных проблемах, вызывая отклик у стран Юга; уровень решений через такие слова, как «Глобальная инициатива развития», «Глобальная инициатива безопасности», «Глобальная инициатива цивилизаций», предлагает конкретные практические пути. Эта нарративная рамка не только соответствует познавательной логике «проблема — решение», но и через нарративную линию «китайский опыт — глобальное распространение» делает коммуникативное распространение китайских концепций более убедительным [Sun Jisheng 2009]. Например, в речи китайского представителя на саммите «Группа 77 и Китай» трехмерный нарратив через постепенное продвижение образует логически полную и убедительную экспрессивную структуру.

3. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ДИСКУРСОМ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА И КИТАЙСКИМИ КОНЦЕПЦИЯМИ

3.1. Механизм текстового внедрения: обмен лексикой и слияние рамок

Текстовое внедрение — это базовый лингвистический механизм взаимодействия между дискурсом и концепциями, выражающийся в том, что ядерная лексика и нарративные рамки китайских концепций через конкретные языковые стратегии систематически интегрируются в текстовую систему дискурса Глобального Юга, реализуя взаи-

модействие и слияние поверхностных языковых знаков.

На лексическом уровне входящие в ядро семантического поля китайских концептов единицы в значительной мере совпадают с семантическим полем дискурса Глобального Юга, реализуя обмен лексикой через этапы «прямое внедрение — семантическая адаптация — высокочастотное повторение». Прямое внедрение выражается в прямом использовании ядерных терминов, например, такие термины, как «сообщество единой судьбы человечества», «совместное обсуждение, совместное строительство и совместное пользование», напрямую включаются в Совместное заявление «Группы 77 и Китая», Декларацию саммитов БРИКС и другие тексты, становясь официальной лексикой дискурса Глобального Юга; семантическая адаптация выражается в сочетании производных терминов с лексемами, эксплицирующими локальный контекст, например, «совместная модернизация» образует семантические сочетания с «индустриализацией», «гарантией занятости» в африканских текстах и с «взаимодействием и взаимосвязью», «региональным сотрудничеством» в южноазиатских текстах; высокочастотное повторение усиливает семантическое запоминание лексики через повторное использование в текстах на конференциях и политических речах. Эти общие слова образуют стабильные семантические связи в центральных текстах Глобального Юга [Маслова 2004], например, в Декларации XV встречи лидеров БРИКС 2023 года «совместная модернизация» часто сочетается с такими терминами, как «путь развития», «взаимовыгодное сотрудничество», «устойчивое развитие» и другими, органически интегрируясь в развитие нарратива Глобального Юга.

На уровне рамок нарративная рамка «обоюдного выигрыша» в китайских концепциях органически сливается с рамкой «против гегемонии — стремление к развитию», характерной для дискурса Глобального Юга, образуя сложную нарративную рамку «критика — требование — сотрудничество». Традиционная рамка дискурса Глобального Юга фокусируется на критике «против гегемонии» и требовании «стремление к самостоятельности», а рамка китайских концепций вносит дополнение — указание на практический путь «поощрение сотрудничества», превращая нарративную рамку из «противостояния» в «конструктивный метод». С точки зрения синтаксических особенностей, это слияние выражается в высокочастотном использовании параллельных предложений типа «против ... + утверждение ... + продви-

жение ...», например: «против унилатеральных санкций, за утверждение равноправия суверенитетов, продвижение взаимовыгодного сотрудничества». Например, в Декларации по случаю 70-летия Бандунгской конференции традиционный нарратив «искусство находить сходства при наличии различий» сливается с новым нарративом «взаимовыгодное сотрудничество», обогащая нарративные измерения дискурса Глобального Юга через предложение «соблюдение искусства находить сходства при наличии различий, углубление южно-южного сотрудничества, достижение совместного развития» [Peng Wenzhao 2017].

На риторическом уровне включения придают текстовому внедрению естественность через общие риторические стратегии. Риторические приемы, такие как параллелизм и антитеза, часто используемые в китайских концепциях, высоко адаптивны к экспрессивным требованиям дискурса Глобального Юга. Например, «Глобальная инициатива развития, Глобальная инициатива безопасности, Глобальная инициатива цивилизации» используют параллелизм (структура ясна и ритмична, удобна для устной коммуникации и запоминания) и легко включаются в тексты стран Глобального Юга; «единство в многообразии, мирное сосуществование народов» используют антитезу, отражающую китайское культурное содержание и соответствующую нормам выражения политического дискурса благодаря использованию простой структуры предложений. Этот общий риторический прием делает внедрение китайских концепций не искусственным, а органически сливающимся со стилем выражения дискурса Глобального Юга.

3.2. Механизм реконструкции контекста: реструктуризация семантического поля и перераспределение дискурсивной власти

Реконструкция контекста — это центральный механизм взаимодействия, состоящий в том, что китайские концепции через конкретные языковые стратегии реконструируют семантический контекст дискурса Глобального Юга, включая ядерные характеристики, такие как субъектная идентичность, постановка вопросов, ценностная ориентация, и затем реализуют перераспределение дискурсивной власти. Этот процесс по своей сути является перекодированием и интерпретацией языкового смысла [Yue Sheng-song 2023]. Рассмотрим его части.

1. Семантическая реконструкция субъектной идентичности. В традиционном северно-южном дискурсе идентичность стран Юга описывается через такие слова, как «полу-

чателю помощи», «носители проблем», конструируется как свойство пассивного объекта, занимающего слабое положение согласно семантике. Китайские концепции через такие слова, как «южно-южное сотрудничество», «равноправные партнеры», «субъекты развития», реконструируют семантику субъектной идентичности стран Юга — от «пассивного принятия» к «активному участию», от «одинаковых просителей» к «совместным строителям». Например, в текстах, касающихся Глобальной инициативы развития, выражение «синхронизация национальных стратегий развития» через выбор слова «синхронизация» подчеркивает самостоятельность и равенство развития каждой страны, ломая традиционную семантическую связь «гегемония — зависимость» и реконструируя контекст власти через взаимодействие дискурсов [Cao Dejun 2024].

2. Обновление и реконструкция семантики тем. Традиционное семантическое поле тем дискурса Глобального Юга сосредоточено на «темах выживания», центральная лексика включает такие единицы, как «помощь в борьбе с бедностью», «снижение долгов», «продовольственная безопасность» и т. д., содержательный план ограничен «избавлением от трудностей». Китайские концепции через такие слова, как «высококачественное развитие», «цифровая экономика», «зеленый переход», «научно-технологические инновации» обновляют семантическое поле тем до «тем развития», семантическое содержание расширяется до «достижения процветания». Этот семантический сдвиг переводит дискурс Глобального Юга из сферы «пассивного реагирования на проблемы» в «активное планирование развития», повышая современность и конструктивность дискурса [Zhao Kejin 2023]. Например, на саммите «Группа 77 и Китай» «сотрудничество в сфере цифровой экономики», «зеленый переход энергетики» стали центральными темами, приблизив дискурс Глобального Юга к важнейшим глобальным темам развития.

3. Многообразие реконструируемой ценностной семантики. Доминирующий западный международный дискурс берет «единообразную модель модернизации», «рыночный фундаментализм» за семантическое ядро ценностных концептов, конструируя гегемонию семантики через такие слова, как «универсальные ценности», «демократические стандарты». Китайские концепции через такие термины, как «многообразие цивилизаций», «многообразие путей развития», «сочетание эффективного рынка и эффективного правительства», конструируют се-

мантический контекст многообразия ценностей, разрушая монополию унифицированных ценностей. Например, в текстах Форума гуманитарного сотрудничества БРИКС часто встречается выражение «уважение к выбору пути развития каждой страны», и через семантическое усиление слов «уважение», «выбор» это делает многообразие ценностей ключевой ценностной ориентацией дискурса Глобального Юга [Wu Zhicheng 2023].

3.3. Механизм генерации смысла: локализованная интерпретация и семантическая инновация

Механизм генерации смысла выражается в локализованном семантическом развитии китайских концепций в дискурсе Глобального Юга. Этот процесс соответствует «закону семантической адаптации межкультурной коммуникации концепций» в лингвокультурологии, т. е. ядерная семантика концепций остается стабильной, а периферийная семантика регулируется и инновационно изменяется в соответствии с локальным культурным контекстом и потребностями развития [Колесов 1999]. Эта локализованная генерация смысла является не простой семантической вариацией, а творческим преобразованием через языковые стратегии, такие как регулировка лексических сочетаний, смещение семантического фокуса, адаптация контекстных связей.

В южноазиатском контексте ядерная лексика китайских концепций образует локализованные семантические варианты через семантическую синхронизацию с региональными повестками развития. Например, фокус ядерной семантики «взаимодействия и взаимосвязи» — «усиление связей и сотрудничества» в южноазиатских текстах смещается на «жесткую взаимосвязанность инфраструктуры» и «мягкую взаимосвязанность правил и стандартов», образуя семантические связи с «физической взаимосвязью», «институциональной взаимосвязью» из «Плана действий по взаимосвязям АСЕАН — 2025». Сопологаемые в контексте слова также регулируются до приложения к «железнодорожным сетям», «строительству портов», «таможенному сотрудничеству» и т. д., полностью демонстрируя семантическую адаптацию к локальным потребностям во взаимосвязи [Li Xiaoyun, Xu Jin 2023].

В африканском контексте ядерная лексика китайских концепций расширяет семантику через сочетание с африканскими требованиями относительно развития. Например, ядерная семантика «совместного развития» — «совместное развитие стран» в африканских текстах расширяется до «индустриализации и гарантии занятости». Сопологаемые

в контексте слова регулируются до применения к «промышленным паркам», «профессиональному обучению», «занятости молодежи» и т. д., что в высокой степени совпадает с центральными требованиями «индустриальной трансформации», «ликвидации бедности» из «Программы Африканского союза — 2063» и делает «совместное развитие» признанной концепцией развития среди африканских стран.

В латиноамериканском контексте ядерная лексика китайских концепций образует региональные семантические выражения через слияние с латиноамериканской традиционной культурой. У ядерной семантики «устойчивого развития» — «сочетание текущего и будущих нужд в развитии» в латиноамериканских текстах семантический фокус сосредоточен на «экологической защите и сельскохозяйственном сотрудничестве», сопологаемые в контексте слова регулируются для применения к «защите тропических лесов», «органическому сельскому хозяйству», «обновляемым источникам энергии» и т. д., соответствующим как важности природных ресурсов для Латиноамериканского региона, так и локальной концепции развития «экологический приоритет», что позволяет получить «устойчивому развитию» культурную семантическую поддержку.

Такая локализованная генерация смысла подтверждает точку зрения политической лингвистики: смысл дискурса не является фиксированным, а постоянно инновационно изменяется через семантические переключки в межкультурном взаимодействии [Sun Jisheng 2022]. Ядерная лексика китайских концепций через адаптацию к семантическим контекстам разных регионов образует локальные семантические варианты, а также обогащает содержательное наполнение дискурса Глобального Юга, переводя междискурсивное взаимодействие с уровня поверхностного текстового внедрения на уровень глубинного взаимного создания смысла.

4. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТИПИЧНЫХ ТЕКСТОВ: ЭМПИРИЧЕСКИ НАБЛЮДАЕМОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

4.1. Тексты Бандунгской конференции: интертекстуальность и семантический отклик

Коммюнике Бандунгской конференции 1955 года, как основополагающий текст дискурса Глобального Юга, вступает во взаимодействие с китайскими концепциями в форме конструирования интертекстуальности и семантического отклика. Это взаимодействие заложило языковую основу для даль-

нейшего глубокого слияния дискурсов. С точки зрения текстологической лингвистики интертекстуальность между текстами Бандунгской конференции и китайскими концепциями преимущественно проявляется в трех аспектах.

1. Лексическая интертекстуальность: семантический отклик ключевых слов. Пять принципов мирного сосуществования, предложенных китайской делегацией, их ядерная лексика «взаимное уважение суверенитета», «невмешательство во внутренние дела», «равноправие и взаимная выгода» вступают в явный семантический резонанс с призывами «против колониализма», «обеспечение национальной независимости», «поощрение взаимного сотрудничества» из Коммюнике Бандунгской конференции. Ключевые слова, такие как «суверенитет», «независимость», «равенство», «сотрудничество», часто встречаются в текстах обеих сторон, образуя заметные семантические параллели [Sun Jisheng 2009]. Эта лексическая интертекстуальность обеспечивает семантические связи китайских концепций с центральными требованиями Бандунгской конференции, закладывая основу для интеграции китайских концепций в дискурс Глобального Юга.

2. Синтаксическая интертекстуальность: структурное соответствие при выражении требований. И в Коммюнике Бандунгской конференции, и в речи китайской делегации используются параллельные предложения типа «утверждение — против», что увеличивает ясность и силу требований. Например, Коммюнике Бандунгской конференции подчеркивает «утверждение равноправия суверенитета всех стран, против любых форм колониализма»; в речи китайской делегации провозглашается «утверждение взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, против вмешательства во внутренние дела других стран». Это структурное единообразие предложений делает выражение требований обеих сторон формой интертекстуальности, усиливая согласованность дискурса [Чудинов 2012].

3. Семантическая интертекстуальность: взаимное дополнение содержания ядерных концепций. Центральное содержание принципов Бандунгской конференции — «сотрудничество и единство, против гегемонии», а «искусство находить сходства при наличии различий», предложенное китайской делегацией, дополняет содержательный объем тезиса «уважение к различиям, приемлемость многообразия», расширяя семантику дискурса Глобального Юга от «единства в противостоянии» до «единства в приятии». Эта семантическая интертекстуальность ре-

ализуется через сопоставление «разные социальные системы — общие интересы и требования», например: «социальные системы разных стран различны, но все они имеют общие интересы в защите национальной независимости и продвижении экономического развития». Это взаимное дополнение семантик делает дискурс Глобального Юга более универсальным, а также открывает семантическое пространство для долгосрочной интеграции китайских концепций.

4.2. Совместное заявление «Группы 77 и Китая»: слияние лексики и совместное конструирование рамок

Совместное заявление саммита «Группа 77 и Китай» 2023 года является типичным текстом в их взаимодействии, демонстрирующим характеристики зрелого этапа глубокого слияния лексики и совместного конструирования нарративных рамок. При детальном анализе текста лингвистические характеристики координации преимущественно проявляются в следующем.

На лексическом уровне ядерная лексика китайских концепций глубоко интегрирована в семантическую сеть заявления, становясь центральным элементом конструкции дискурса. Заявление напрямую включает ядерные термины, такие как «сообщество единой судьбы человечества», «Глобальная инициатива развития», «совместное обсуждение, совместное строительство и совместное пользование» — эти слова образуют контекстуально сильные сочетания с традиционными ядерными словами Группы 77 «южно-южное сотрудничество», «право на развитие», «справедливость и честность», например: «Через южно-южное сотрудничество и совместное обсуждение, совместное строительство и совместное пользование продвигать реализацию Глобальной инициативы развития и строить сообщество единой судьбы человечества». Одновременно заявление впитывает производные термины китайских концепций, такие как «зеленое развитие», «цифровое сотрудничество», еще больше обогащая свою семантическую систему [Yue Shengsong 2023].

На уровне рамок заявление конструирует совместную трехмерную нарративную рамку «историческое наследование — реальные требования — будущая перспектива», в чем сливаются «историческая справедливость» (нарратив Группы 77) и «ориентация на будущее» (нарратив китайских концепций). Уровень исторического наследования через такие выражения, как «следуя духу Бандунга», «продолжение традиции южно-южного сотрудничества», отсылает к

историческим требованиям Глобального Юга; уровень реальных требований через такие выражения, как «ответ на вызовы развития», «против унилатеральных санкций», фокусируется на текущих центральных проблемах; уровень будущей перспективы через такие выражения, как «строительство сообщества единой судьбы человечества», «достижение совместной модернизации», рисует перспективы развития. Эта рамка не только продолжает традиционную нарративную логику Группы 77, но и интегрирует конструктивные нарративные характеристики китайских концепций, делая нарратив заявления более полным и перспективным [Peng Wenzhao 2017].

На уровне интертекстуальности заявление конструирует интертекстуальную сеть из элементов разных эпох и разных текстов, укрепляя легитимность и согласованность дискурса. Заявление не только ссылается на традиционные авторитетные тексты, такие как Коммюнике Бандунгской конференции, Устав ООН, но и на китайские тексты, такие как Белая книга об инициативе «Один пояс, один путь», План действий по Глобальной инициативе развития, образуя интертекстуальные связи в выстраивании этапности элементов «традиционная легитимность — современная практика». Например: «Согласно принципам Устава ООН и принципу совместного обсуждения, совместного строительства и совместного пользования из инициативы „Один пояс, один путь“ продвигать углубление южно-южного сотрудничества». Эта интертекстуальная сеть делает дискурсивные требования заявления обладающими как исторической легитимностью, так и современной практической поддержкой, а также демонстрирует глубокое соединение китайских концепций с дискурсом Глобального Юга.

4.3. Тексты саммитов БРИКС: метафорическая система и семантическая инновация

В текстах XV встречи лидеров БРИКС (2023 года) метафорическая система китайских концепций вступает в глубокое взаимодействие с дискурсом Глобального Юга, реализуя семантическую инновацию через слияние метафор и формулируя абстрактные концепции сотрудничества убедительными языковыми выражениями. С точки зрения лингвистического анализа метафоры ведущие характеристики взаимодействия дискурсов можно описать следующим образом.

1. Взаимное дополнение и слияние типов метафор. «Метафоры пути», «метафоры сообщества» китайских концепций коррелируют с «метафорами силы», «метафорами роста» БРИКС. «Один пояс, один путь» (ме-

тафора пути) китайских концепций сливается с «быстрой дорожкой развития» (метафора пути) БРИКС, образуя сложную метафору «совместное движение к берегу современности»; «сообщество единой судьбы человечества» (метафора сообщества) сливается с «семьей БРИКС» (метафора сообщества) БРИКС, образуя специальную метафору «сообщество единой судьбы БРИКС». Одновременно «метафоры силы» БРИКС (например, «сила БРИКС», «коллективный интеллект») сливаются с «метафорами сотрудничества» китайских концепций (например, «взаимовыгодное сотрудничество», «совместное продвижение»), образуя выражение «на основе коллективной силы БРИКС продвигать взаимовыгодное сотрудничество», обогащая метафорические измерения выражения [Jiang Chunli, Yang Ke 2013].

2. Высокочастотное использование метафор и адаптация к коммуникации. Частота использования метафор в текстах заявлений саммитов значительно увеличилась, при этом метафоры из китайских концепций занимают важную долю, становясь ключевым элементом формулирования идей текста. Например, высокочастотное использование таких метафор, как «цифровой пояс и путь», «зеленый переходный путь», «маршрут совместной модернизации», делает текст более образным и убедительным, соответствующим как коммуникативным требованиям политического дискурса, так и когнитивным привычкам в разных культурных контекстах.

3. Инновационная генерация метафорической семантики. Через слияние метафор тексты встреч генерируют семантические выражения с особенностями БРИКС. Например, модель сотрудничества «БРИКС+» через метафору знака «+» конкретизирует семантику «открытости и приемлемости», отражающую коннотацию «расширение круга друзей по сотрудничеству»; «синхронизация Глобальной инициативы развития и сотрудничества БРИКС» через метафору «синхронизация» связывает два разных сотрудничества семантически, генерируя новую семантику «совместное продвижение развития». Эти инновации метафорической семантики позволяют дискурсу БРИКС сохранять свои особенности, а также впитывать ядерное содержание китайских концепций, чем реализуется опосредованная дискурсивной деятельностью разных сторон инновация семантики.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе базовой теоретической рамки политической лингвистики, используя такие

лингвистические методы, как текстовый анализ, лексико-семантический анализ и идентификация метафор, данное исследование выявило три лингвистических механизма взаимодействия между дискурсом Глобального Юга и китайскими концепциями: текстовое внедрение реализует взаимодействие поверхностных языковых знаков через обмен лексикой, слияние рамок и адаптацию риторики; реконструкция контекста реализует трансформацию среднего уровня дискурсивного контекста через реконструкцию субъектной идентичности, семантики тем и семантики ценностей; генерация смысла реализует глубинное взаимное создание смысла через локализованную семантическую адаптацию и инновацию. Исследование показывает, что взаимодействие между ними по своей сути является процессом семантического согласования и конструирования языковых знаков — китайские концепции через конкретные лингвистические стратегии интегрируются в дискурс Глобального Юга, не только обогащая семантическое содержание, форму выражения и нарративную логику дискурса Глобального Юга, но и реализую межкультурную коммуникацию и инновацию семантики; в свою очередь, дискурс Глобального Юга через впитывание языковых элементов китайских концепций укрепляет конструктивность, открытость и коммуникативную силу.

По сравнению с существующими исследованиями новаторские аспекты данного исследования заключаются в следующем: во-первых, конструирование трехуровневой лингвистической аналитической модели «лексика — рамка — интертекстуальность», предлагающее применимый на практике путь анализа для исследований взаимодействия в области межкультурного политического дискурса; во-вторых, фокусирование на основных лингвистических измерениях, укрепление эмпиричности и логичности исследования через качественный анализ, избегание использования приблизительных количественных данных; в-третьих, уход от чисто политологических стратегических интерпретаций, выдвижение на первый план дисциплинарных особенностей политической лингвистики, обеспечивающее вписывание исследования в круг работ по политической лингвистике.

Перспектива исследования связана с расширением географического диапазона исследуемых текстов (добавление основополагающих текстов из Латинской Америки и региона Карибского бассейна, сравнительный анализ региональных семантических изменений); одновременно можно использо-

вать прагматический анализ, исследовать механизмы адаптации в контекстах и эффекты речевого взаимодействия между разными культурами, предлагая практические лингвистические рекомендации для повышения эффективности межкультурной коммуникации в сфере политического дискурса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Колесов, В. В. Жизнь происходит от слова... / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. — 364 с. — ISBN 5-86547-099-X.
2. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. — Минск : ТетраСистемс, 2004. — 256 с. — ISBN 985-470-165-4. — EDN UJZAZP.
3. Русакова, О. Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса / О. Ф. Русакова, Д. А. Максимов // Полис. Политические исследования. — 2006. — № 4. — С. 26-43. — EDN HUWESD.
4. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 254 с. — ISBN 978-5-89349-897-4.
5. Dijk, T. A. Van. Politics, Ideology, and Discourse / T. A. Van Dijk // Encyclopedia of Language & Linguistics. — Spain : Politics of Teaching, 2006. — DOI 10.1016/B0-044854-2/00722-7.
6. 孙吉胜. 2009. 语言、意义与国际政治——伊拉克战争解析 [M]. 上海 : 上海人民出版社. = Sun Jisheng. Yuyan, yiyi yu guoji zhengzhi — yilake zhanzheng jieshi / Sun Jisheng. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe, 2009.
7. 孙吉胜. 2022. 国际政治语言学的研究路径与发展趋势 [J]. 外语教学与研究, (03): 456-465. = Sun Jisheng. Guoji zhengzhi yuyanxue de yanjiu lujing yu fazhanqushi / Sun Jisheng // Waiyujiaoxue yu yanjiu. — 2022. — 03. — P. 456—465.
8. 门洪华. 2024. “全球南方”的兴起与国际博弈的新图景——兼论中国的战略应对 [J]. 教学与研究, (01): 104-113. = Men Honghua. “Quangiu nanfang” de xingqi yu guoji boyi de xin tujing — jian lun zhongguo de zhanlue yingdui / Men Honghua // Jiaoxue yu yanjiu. — 2024. — 01. — P. 104—113.
9. 朱玲玲. 2024. 印度对外战略新动向——基于“全球南方”的视角 [J]. 云南社会科学, (01): 1-8. = Zhu Lingling. Yindu duiwai zhanlue xindongxiang — jiyu “quangiu nanfang” de shijiao / Zhu Lingling // Yunnan shehuikexue. — 2024. — 01. — P. 1—8.
10. 彭文钊. 2017. 哲学阐释学视域下的政治语言学：哲学基础、语言观与政治观问题 [J]. 外语与外语教学, (02): 26-37. = Peng Wenzhao. Zhexue chanshi xue shiyu xia de zhengzhi yuyanxue: zhexue jichu, yuyan guan yu zhengzhi guan wenti / Peng Wenzhao // Waiyu yu waiyujiaoxue. — 2017. — 02. — P. 26—37.
11. 蒋春丽, 杨可. 2013. 政治话语研究——俄语语言研究的新方向 [J]. 广东外语外贸大学学报, (06): 10-13. = Jiang Chunli. Zhengzhi huayu yanjiu — eyu yuyan yanjiu de xin fangxiang / Jiang Chunli, Yang Ke // Guangdong waiyu waimao daxue xuebao. — 2013. — 06. — P. 10—13.
12. 李小云, 徐进. 2023. 全球南方能否成为中国新的战略纵深 [J]. 文化纵横, (02): 38-46. = Li Xiaoyun, Xu Jin (2023). Quangiu nanfang nengfou chengwei zhongguo xin de zhanlue zongshen / Li Xiaoyun, Xu Jin // Wenhua zongheng. — 02. — 38—46.
13. 刘宏, 岳雪, 杨洲. 2021. 政治文化观念与政治语言世界图景 [J]. 东北亚外语研究, (02): 3-8. = Liu Hong. Zhengzhi wenhua guannian yu zhengzhi yuyan shijie tujing / Liu Hong, Yue Xue, Yang Zhou // Dongbeiya waiyu yanjiu. — 2021. — 02. — P. 3—8.
14. 曹德军. 2024. 全球发展倡议下的全球治理路径与中国方案 [J]. 国际论坛, (01): 3-21+155. = Cao Dejun. Quangiu fazhan changyi xia de quangiu zhili lujing yu zhongguo fangan / Cao Dejun // Guoji luntan. — 2024. — 01. — P. 3—21 + 155.
15. 孙玉华, 彭文钊, 刘宏. 2015. 语言的政治vs政治的语言—

—政治语言学的理论与方法 [J]. 外语与外语教学, (01): 1-7. = Sun, Yuhua. Yuyan de zhengzhi vs zhengzhi de yuyan — zhengzhi yuyanxue de lilun yu fangfa / Sun Yuhua, Peng Wenzhao, Liu Hong // Waiyu yu waiyujiaoxue. — 2015. — 01. — P. 1–7.

16. 李东琪. 2023. “全球南方”的浮现：历史渊源与现实意义 [D]. 吉林大学. = Li, Dongqi (2023). “Quanqiu nanfang ” de Fuxian: lishi yuanyuan yu xianshiyi / Li Dongqi. — Jilin daxue, 2023.

17. 吴志成. 2023. “全球南方”的兴起与中国的立场担当 [J]. 人民论坛 (学术前沿), (23): 13-20. = Wu, Zhicheng. “Quanqiu nanfang ” de xingqi yu zhongguo de lichang dandang / Wu Zhicheng // Renmin luntan (xueshuqianyan). — 2023. — 23. — P. 13–20.

18. 赵可金. 2023. 全球南方与中国外交的新议程 [J]. 国际政治研究, (06): 92-111+7. = Zhao, Kejin. Quanqiu nanfang yu zhongguo waijiao de xin yicheng / Zhao Kejin // Guoji zhengzhi yanjiu. — 2023. — 06. — P. 92–111 + 7.

19. 岳圣淦. 2023. 观念、话语与制度演化：国际制度话语理论与中国实践 [J]. 当代亚太, (04): 131-165+166. = Yue, Shengsong. Guannian, huayu yu zhidu yanhua: guoji zhidu huayuquan lilun yu zhongguo shijian / Yue Shengsong // Dangdai yatai. — 2023. — 04. — P. 131–165 + 166.

20. 邹华. 2015. 政治话语研究的哲学基础析论 [J]. 理论导刊, (11): 41-44. = Zou, Hua. Zhengzhi huayu yanjiu de zhexue jichu xi lun / Zou Hua // Lilun daokan. — 2015. — 11. — P. 41–44.

21. 彭云鹏. 2013. 语言与意识 [J]. 科技创业家, (22): 248. = Peng, Yunpeng. Yuyan yu yishi / Peng Yunpeng // Keji chuanyejia. — 22. — P. 248.

22. 范迪克. 2018. 话语研究：多学科导论 [M]. 周翔, 译. 北京：中国人民大学出版社. = Fan, Dike. Huayu yanjiu: duo xueke daolun / Fan Dike. — Zhou xiang, yi; Beijing: Zhongguo renmin daxue chubanshe, 2018.

23. 胡壮麟. 2018. 认知语言学 [M]. 北京：北京大学出版社. = Hu, Zhuanglin (2018). Renzhi yuyanxue / Hu Zhuanglin. — Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2018.

24. 姜望琪. 2019. 语用学理论与实践 [M]. 北京：北京大学出版社. = Jiang, Wangqi. Yuyong xue lilun yu shijian / Jiang Wangqi. — Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2019.

REFERENCES

1. Kolesov, V. V. (1999). Zhizn' proiskhodit ot slova... = Life Comes from the Word... St. Petersburg: Zlatoust, 364 p. ISBN 5-86547-099-X.

2. Maslova, V. A. (2004). Kognitivnaya lingvistika = Cognitive Linguistics. Minsk: TetraSistems, 256 p. ISBN 985-470-165-4. EDN UJZAZP.

3. Rusakova, O. F., Maksimov, D. A. (2006). Politicheskaya diskursologiya: predmetnoe pole, teoreticheskie podkhody i strukturnaya model' politicheskogo diskursa = Political Discourse Studies: Subject Field, Theoretical Approaches, and Structural Model of Political Discourse. *Polis. Political Studies*, 4, 26–43. EDN HUWESD.

4. Chudinov, A. P. (2012). Politicheskaya lingvistika = Political linguistics. Textbook. Moscow: Flinta, Nauka, 254 p. ISBN 978-5-89349-897-4.

5. Dijk, T. A. Van (2006). Politics, Ideology, and Discourse. *Encyclopedia of Language & Linguistics*. Spain: Politics of Teaching. DOI 10.1016/B0-08-044854-2/00722-7.

6. Sun Jisheng (2009). Yuyan, yiyi yu guoji zhengzhi — yilake zhanzheng jiexi [M]. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe.

7. Sun Jisheng (2022). Guoji zhengzhi yuyanxue de yanjiu lujing yu fazhanqushi. *Waiyujiaoxue yu yanjiu*, 03, 456–465.

8. Men Honghua (2024). “Quanqiu nanfang” de xingqi yu guoji boyi de xin tujing — jian lun zhongguo de zhanlue yingdui. *Jiaoxue yu yanjiu*, 01, 104–113.

9. Zhu Lingling (2024). Yindu duiwai zhanlue xindongxiang — jiyu “quanqiu nanfang” de shijiao. *Yunnan shehuikexue*, 01, 1–8.

10. Peng Wenzhao (2017). Zhexue chanshixue shiyu xia de zhengzhi yuyanxue: zhexue jichu, yuyan guan yu zhengzhi guan wenti. *Waiyu yu waiyujiaoxue*, 02, 26–37.

11. Jiang Chunli, Yang Ke (2013). Zhengzhi huayu yanjiu — eyu yuyan yanjiu de xin fangxiang. *Guangdong waiyuwaimao daxue xuebao*, 06, 10–13.

12. Li Xiaoyun, Xu Jin (2023). Quanqiu nanfang nengfou chengwei zhongguo xin de zhanlue zongshen. *Wenhua zongheng*, 02, 38–46.

13. Liu Hong, Yue Xue, Yang Zhou (2021). Zhengzhi wenhua guannian yu zhengzhi yuyan shijie tujing. *Dongbeiya waiyu yanjiu*, 02, 3–8.

14. Cao Dejun (2024). Quanqiu fazhan changyi xia de quanqiu zhili lujing yu zhongguo fangan. *Guoji luntan*, 01, 3–21 + 155.

15. Sun Yuhua, Peng Wenzhao, Liu Hong (2015). Yuyan de zhengzhi vs zhengzhi de yuyan — zhengzhi yuyanxue de lilun yu fangfa. *Waiyu yu waiyujiaoxue*, 01, 1–7.

16. Li Dongqi (2023). “Quanqiu nanfang” de Fuxian: lishi yuanyuan yu xianshiyi. Jilin daxue.

17. Wu Zhicheng (2023). “Quanqiu nanfang ” de xingqi yu zhongguo de lichang dandang. *Renmin luntan (xueshuqianyan)*, 23, 13–20.

18. Zhao Kejin (2023). Quanqiu nanfang yu zhongguo waijiao de xin yicheng. *Guoji zhengzhi yanjiu*, 06, 92–111 + 7.

19. Yue Shengsong (2023). Guannian, huayu yu zhidu yanhua: guoji zhidu huayuquan lilun yu zhongguo shijian. *Dangdai yatai*, 04, 131–165 + 166.

20. Zou Hua (2015). Zhengzhi huayu yanjiu de zhexue jichu xi lun. *Lilun daokan*, 11, 41–44.

21. Peng Yunpeng (2013). Yuyan yu yishi. *Keji chuanyejia*, 22, 248.

22. Fan Dike (2018). Huayu yanjiu: duo xueke daolun. Zhou xiang, yi. Beijing: Zhongguo renmin daxue chubanshe.

23. Hu Zhuanglin (2018). Renzhi yuyanxue. Beijing: Beijing daxue chubanshe.

24. Jiang Wangqi (2019). Yuyong xue lilun yu shijian. Beijing: Beijing daxue chubanshe.